

Алеуты в годы войны

Война и американские алеуты

Вторая Мировая война затронула большинство народов мира. Алеуты не были исключением. 3 июня 1942 г. северное соединение японской армии, возглавляемое вице-адмиралом Боширо Хосогоем, нанесло авиаудар по военно-морской базе Датч-Харбор на острове Уналашке (территория США). 7 июня солдаты специального штурмового соединения Майдзуру захватили остров Кыску, а на следующий день японские военные транспорты вошли в бухту Гольцовую на острове Атту. 42 алеута, то есть все коренное население оккупированной территории, было интернировано в город Отару на острове Хоккайдо. Вынужденные переселенцы жили в нечеловеческих условиях и, чтобы хоть как-то прокормить себя и свои семьи, были вынуждены работать на местном мыловаренном заводе за одну иену в день. За три года 40% из них умерло, а оставшиеся в живых так и не смогли вернуться в родную деревню, которую было решено не восстанавливать. Жителей восточных островов правительство эвакуировало на Аляску. Но война есть война, сборы проходили в кратчайшие сроки, с собой не разрешалось брать практически ничего. Не все смогли выжить на незнакомом лесистом побережье. Даже после окончания страшных событий мир не стал прежним: был невосвратно утрачен аттинский диалект; с карты исчезли такие населенные пункты, как Биорка, Кашега, Макушин и др. В годы холодной войны на о. Атту размещалась военная база, а на о. Амчитке проводились ядерные испытания. Маленький северный народ стал заложником большой мировой политики...

Погибшие в бою

Российским алеутам повезло намного больше, если слово «везение» здесь уместно. Но даже среди них были те, кто встретил смерть на полях сражений. Одна из улиц села Никольского на о. Беринга носит имя братьев Волокитиных. Двое из четырех братьев принимали участие в Курильской операции, сражаясь в составе 101-й стрелковой дивизии. Павел Федорович выжил, а его 24-летний младший брат Георгий 18 августа 1945 г. сложил голову на далеком о. Шумшу.

Другой алеут, Евгений Евгеньевич Фрейберг (1925 г.р.), сын Анны Илларионовны Бадаевой, в звании лейтенанта командовал 234 взводом 179-й стрелковой Витебской дивизии. 10 января 1945 г. уроженец о. Медного героически погиб в сражении под Клайпедой.

Еще живы те, кто помнит Женю Фрейберга. Но никто не слышал имени Якова Антоновича Савича (ок. 1910 г.р.), добрейшего парня по прозвищу Куня. Он был старшим сыном Марии Николаевны — внебрачной дочери управляющего Командорскими островами Н.А. Гребницкого, единственной алеутки, получившей потомственное дворянство. Яков принадлежал к кругу «синеглазников» — так называли сатирический агитационный театральный коллектив, созданный в 1923 г. на базе «Живой газеты» Московского института журналистики. Ребят нередко сравнивали с бродячими актерами. Как и мать, Куня всегда был душой компании. Но началась война, и в 1943-м актер погиб в боях под Сталинградом.

Командорский «Василий Тёркин»

В День Победы, 9 мая, островитяне неизменно вспоминают рассказы своего земляка, почетного гражданина Петропавловска и Алеутского района С.В. Тимонькина (1914–2009). В 1933 г. Сергей Венедиктович был призван в пограничную и до 1937-го проходил службу на пограничном сторожевом корабле «Воровский». В 1938–1940 г. работал смотрителем маяка на м. Чаплина. Вернулся на о. Медный, и вскоре ушел добровольцем на фронт. Сражаясь под Сталинградом, освобождал Таганрог, Ростов-на-Дону, Одессу, Белград, дошел до

Мемориал в селе Никольском. Фото Татариной, 2016

Вены. Об этом человеке сказано немало, да и сам он был знатным рассказчиком — слушая, поневоле вспомнишь «Василия Тёркина»!

В колонках старых газет «Алеутская звезда» сохранились строки из его письма. От бойца не было вестей почти год. Знали, что он получил ранение под Сталинградом, лечился в госпитале и, выздоровев, снова пошел на передовую. И вдруг в конце мая 1944-го семья получила весточку с фронта: «Сижу в окопе, смотрю — подползает ко мне почтальон и говорит: «Танцуй, письмо дам». Меня прямо в жар бросило, когда я узнал, что письмо с о. Медного. <...> Читал письмо вслух, друзья по оружию обступили меня и жадно слушали, что пишут с далекого, глубокого тыла. У нас каждый с нетерпением ждёт из дома писем. Письмо ко мне шло всего два с половиной месяца. <...> Мне как то дали вести двух пленных. Не захотели фрицы итти, притворились непонимающими. Я им сразу дал понять из автомата. <...> немцы очень боялись моряков. Я это наблюдал сам. Под Сталинградом, около одного населённого пункта, я полз через проволочное заграждение и разорвал на груди гимнастёрку, у меня обнажилась краснофлотская тельняшка. Заскакиваю в немецкий окоп. Один фриз увидел меня, да как закричит: «Русс!», и сам бежать, что есть духу. Выстрелом я его успокоил. Но я не заметил сзади себя другого немца. С этим пришлось взяться врукопашную. Как продолжительна была схватка, я не знаю. Когда я очнулся, немец лежал возле меня мертвым, а меня товарищ из фляжки отливал водой. Много бы можно рассказать боевых случаев, но писать долго, расскажу, если уцелею и возвращусь домой. Передайте всем жителям Командор, знающим меня, мой фронтвой привет!»

Мать испытала двойную радость: сын жив, бьет ненавистного врага, да еще за боевые заслуги повышен в звании до гвардии старшего сержанта. В квартире Анисьи Михайловны на видном месте висел портрет Сергея, рядом — письмо от командования части, где он проходил первую военную подготовку, с благодарностью за воспитание отличника боевой и политической подготовки. «Я написала, — поделилась женщиной, — чтобы сын беспощаднее уничтожал фашистских разбойников, а когда с Красной Армией освободит всю советскую землю, пусть возвращается домой». «Хочется крикнуть: Сережа, дорогой, знаешь, как я люблю тебя, как дорог ты мне, но Родина для нас всего дороже. Поэтому не жалею сил, если нужно, жизнь отдай, — и тихонько добавила, — но одновременно хочу, чтобы сын мой остался жив. Я думаю, что это законное чувство для каждой матери».

Ответил фронтовику и младший брат Виталий, практикант-зоотехник зеросовхоза о. Медного: «Ни я, ни твой брат Владимир, работающий бригадиром звероводческой бригады, ни сестра Ира, ни даже мать не стоим в стороне от происходящих событий. В мае этого года товарищ Сталин командорцам, за их помощь фронту в сборе средств на строительство эскадрильи самолётов «Камчатка — фронту», прислал благодар-

ность Красной Армии и свой братский привет. В сборе этих средств и мы принимали участие». Ответить земляку на боевые успехи производственными достижениями пообещали старшина кавасаки Борис Хабаров и моторист Павел Зайков.

Помощь фронту

В чем заключалась командорская помощь фронту помимо сбора денежных средств? Женщины доставали из своих сундуков припрятанные для семьи куски фланели, байки, ситца и шили одежду бойцам. Все отдали. Кто не умел шить, бесплатно помогал рыбкоопу с переработкой продукции. Промысловики выполняли и перевыполняли план. Вот как в 1943-м описывал свой обычный рабочий день зав. уходом (промысловым участком) «Тонкий мыс» Иван Хорошев: «с 4 часов утра до 7 часов чищу песцовые шкурки, затем иду проверять ящики-ловушки и настораживаю их [привожу в боевое состояние]; днем делаю потаски [разновидность приманки], выбрасываю корм в сетный дворик, а вечером до 10 часов снова обрабатываю шкурки. В моей работе много помогает жена».

Работа промысловика всегда была не из легких, а в военные годы — и подавно. Справляться с огромными нагрузками помогал мягкий алеутский юмор. Николай Мякишев по прозвищу Дутр был каюром — на собачьей упряжке развозил по ухажам продукты, предметы первой необходимости, письма и, конечно же, последние новости. А поскольку каждый с волнением ждал сводок о положении на передовой, Дутр частенько подделывал следующие: демонстративно выходил из избы, либо промысловой юрташки, брал двуручную пилу и заставлял ее вибрировать так, чтобы собравшиеся слышали звук «работающей радиостанции». После чего заходил довольный: «Я со Сталиным разговаривал. Сегодня наши войска наступают...», — и сообщал последние новости. Или: «Пароход ожидается на следующей неделе...» Иногда он прилюдно обращался к портрету «вождя всех народов» или членов советского правительства и общался с ними «напрямую». И те, конечно же, по доступным одному ему неведомым каналам, делились «секретными сведениями». На деле у старика имелись наушники, которые можно было подключать непосредственно к розетке радиосети. В суровых условиях тихоокеанских островов розыгрыши испокон веков скрашивали жизнь, и все участники небольшого шоу, даже зная маленький секрет, с удовольствием подыгрывали главному актеру.

Дети и война

Дети тоже не оставались в стороне. По воспоминаниям Веры Терентьевны Тимошенко, однажды в октябре прямо во время уроков в школу хлынула вода, наверно, цунами. После этого на берегу стали находить серу — говорили, после извержения вул-

Мемориал на о. Уналашке.

Из Интернета: <http://newsletter.infoflot.ru/Articles/Alaska/5/5.html>

на. Дети собирали необычные кусочки и помогали учителям отправлять посылки в город.

А еще всех, будь то мальчик или девочка, учили воевать. У каждого имелся свой противогаз с индивидуальным номером, за этим следили строго. Все умели по гулу различать летящие самолеты: штурмовик, бомбардировщик, разведчик. В небе над Командорами появлялись в основном союзники, но нужно было быть готовым к любому повороту событий. Гражданскому населению полагалось укрываться в окопах: на берегу, где сейчас мемориальный комплекс, близ Входного Рифа, на Каменке. А в лощине, где сегодня огорода, была оборудована специальная площадка. Среди прочего, там стояло чучело, на котором призывники и школьники отрабатывали навыки ведения штыковой атаки и рукопашного боя. Каждая девчонка умела выхватить винтовку — а она тяжелая — и проткнуть набитого сеном «врага». На стрельбище отрабатывали меткость. А еще заучивали сигналы флажного семафора: одна команда шла в сторону собачника (мы знаем это место как «школьный поселок»), а другая поднималась на сопку, где сейчас здание администрации, и отрабатывали навыки передачи информации первичного оповещения. По вечерам совершали марш-броски до Северного или Саранного — уже по темноте: 20 км где бегом, где ползком. На Северном стоял маяк, после войны его разобрали. Физкультуру и военную подготовку вел Леонид Устинович Расламбеков, иногда приходили офицеры.

Работали. После окончания 7-летки трудились наравне со взрослыми. И успевали к праздникам ставить фрагменты пьес: Чехова, Островского. Не все работавшие имели возможность прийти в клуб, на этот случай работало местное радио.

Не только старшие, но и малыши всем сердцем ждали скорейшей победы. В январе 1945-го в клубе стали наряжать Новогоднюю «елку». Но какая же елка — в тундре? Вместо хвойника, которого попросту не было, из-под снега выкапывали вечнозеленые веточки кашкары (рододендрона золотистого) и мастерили праздничное дерево. Украшали игрушками, мишурой и сияющей гирляндой. И вот долгожданный день настал. После дружного хоровода детвора стала декламировать выученные стихи: «Летней ночью, на рассвете, Гитлер дал войскам приказ. И послал солдат немецких Против всех людей советских. Это значит — против нас». Пели песни: «Кубанку», «Катюшу». Ну как на такое веселье не примчаться Деду Морозу? И он вошел: в военной форме партизана, с гранатами за поясом: «Я пришел издали, из-за далеких морей, из-за многих земель, с фронта Великой Отечественной войны. Пришел оттуда, где ваши отцы и братья бьют проклятых немцев. Принес я вам фронтовой новогодний привет и хорошие пожелания в учебе. Ну, конечно, немножко и подарков новогодних захватил». В одиннадцатом часу вечера, счастливые и довольные ребята шли по домам, унося скромные подарки и самое лучшее воспоминание.

Четыре тяжелых года Командоры были глубоким тылом. Но с 17 часов 10 августа 1945 г. в соответствии с решением Камчатского облсовета было введено военное положение. Все находившиеся в состоянии повышенной боевой готовности. Соблюдали требования светомаскировки, с наступлением темноты запрещалось даже курить на улице. Окончательный праздник наступил 3 сентября.

Татаринова Н.А.
Начальник отдела сохранения историко-культурного наследия
биосферного заповедника
«Командорский» им. С.В. Маракова